
Вера СУХАНОВА

УЗЕЛКИ

В кладовой на полках мешочков полки
С белым рисом, крупой, мукой.
Завязала мама на них узелки
И ушла от нас — на покой.
Ни вселенской скорби, ни чувства вины,
Ни желанья прильнуть к плечу...
Просто вынули душу. Пеку блины
И над ними криком молчу.
Распадается память на островки,
Никому не вымостить гать,
И тесемочки, мамины узелки,
Не смогу уже развязать.

* * *

Февраль растушеввал зимы узор графичный,
растекшийся пейзаж,
в озябнувшей руке, безвольной, анемичной,
графитный карандаш.
Снег вымарал давно рисунок изначальный,
еще до Покрова,
и то, что о любви нет повести печальней, —
избитые слова.
Ах, если бы все то, что кажется банальным
по сути и на вид,
не саднило, не жгло и не было фатальным.
Но саднит и болит.
Февраль — погонщик туч. Нелетная погода,
увязший коготок.
Я знаю, у любви срок годности три года,
и он давно истек.
Все письма удалю, все вирусные фото,
чтоб больше не болеть.
Февраль стирает все, как ластик, как зевота,
как маленькая смерть.

Вера Суханова — поэт, переводчик, член Союза писателей России, автор шести книг стихов и прозы, печаталась в альманахах и коллективных сборниках России, Украины, Беларуси, Германии, США, Израиля. Лауреат международных литературных конкурсов, фестивалей и премий. Живет в Смоленске.

СТАРАЯ БАШНЯ

Река забвенья сносит сети,
Лишает воли и ума.
Там, где тепло, все тонет в Лете,
Ну, а у нас стоит Зима.
Она засыплет створ у башни,
В которую когда-то мы
Искать ходили день вчерашний,
Пугаясь призраков и тьмы.
Под сводами металось эхо,
Там пятый век шел смертный бой,
И сверху сыпались в прореху
Потоки крупки ледяной,
Колючие, как струйки крови,
Давно замерзшей в облаках.
Скрипели доски ветхой кровли,
И сковывал животный страх,
Гнетущий, застарелый, вязкий,
Застрявший здесь с тех самых пор,
Когда в кровавой свистопляске
Сек ляхов боевой топор.
Пространство начало сужаться.
И чтоб не согнуть, не пропасть,
Нам оставалось — целоваться,
Впервые в жизни пылко, всласть.
С испугу — не по зову плоти —
В тот вечер испытали мы
Мощнейшее оружие против
И страха смерти, и зимы.

* * *

Ветер треплет вихрастый лес,
Вертит лопасти ветряка,
И пока запал не исчез,
Нужно трогаться в облака.
Хватит вышивок по канве,
Дуй — попутного в паруса!
На салфетках в мятой траве
Телефоны и адреса.
Моем рыхлый песок волна,
Отошел последний паром,
На душе такая война,
Что ни в сказке и ни пером.
Подхвати меня и умчи!
Там под куполом высоко
Голубь вьется и не горчит
Материнское молоко.

* * *

Я не гоню непрошенных гостей.
Они, как судьи, судят, нужно ль время
Мне для моих подержанных страстей,
Тревог, высокомерий, треволнений.
И пусть сидят до первых петухов,
Я каждому из них придам значение,
Я всех приму душой, хоть без грехов
Нет никого, и я не исключенье.
Пусть для кого-то гость — что в горле кость,
А я кочевница, мой дом — повозка.
Любой захожий — это плеть, и гвоздь,
И цепь, и якорь, и печать на воске.
Я не гоню непрошенных гостей,
Гость промелькнет, как миг, как век короткий,
Уйдет, оставив горстку новостей.
Их можно до утра перебирать, как четки...

ЗЕРКАЛО

Что такое беспамятство —
Дар, наказание, проклятье?
Избавление от боли утрат
И от бремени бед?
Перед зеркалом этим
Надела прабабка моя подвенечное платье
И взглянул в сорок первом
В него напоследок с порога мой дед.

Долгим взглядом взглядеться в себя...
А придут — и накинута
Занавеску из черных и душевных
Тяжелых платков,
Из зеркальной души
Тебя молча и прочно изымут
И поселят в округе
Неслышных слепых мотыльков.